

ГДЕ ШЁПОТОМ ЛЮБОВЬ...

Мой коммунальный рай,
где шёпотом любовь,
где жизнь без тайн
и боль почти без стона –
тебе ещё я не сказал: «Прощай!»,
и голос не прибавил на полтона...
Дым беломорный
тянется к окну
и сизоструйно уплывает в полночь,
проём окна – бесшторный
глаз во тьму,
соседкин выплеск шепоточком:
«Сволочь!»
Строй коридорный
льж, калош, шкафов,
фальшивое крещендо песнопений...
Я вечный поднадзорный –
из углов
мой след читают пакостные тени.
И липкий запах
бесконечных склок,
и объявление: «По ночам не шляться!»
И пальцем открываемый замок,
которым бесполезно запираяться...
Трамвайный перезвон,
протёртый плед,
в окне напротив обнажённый абрис...
Качает клён
листвой фонарный свет –
Я навсегда твой, коммунальный адрес...

УСПЕТЬ...

Приходит время дорожить
Или дрожать над бранным телом?..
Ах, как всё быстро пролетело!
Казалось, только начал жить!
Не знаю, стоит ли спешить –
Пожнёшь ли то, что ты посеешь?

...Покаяться всегда успеешь,
Успеть ещё бы согрешить...

О НАС И О ВРЕМЕНИ

Время не знает того, что будет.
Горе и горечь оно стирает...
За неслучившееся – не судит,
За несложившееся – прощает...

Время бездушно, как в дате прочерк...
Время не греет, в ночи не светит...
Время изменит наш детский почерк,
Лица изменит и не заметит...

Время не знает на боль ответа.
Время не ставит простых вопросов...
Время – непознанная планета,
Время – невидимая нам особь...

Время не вычурно, не спесиво –
Время не может на что-то злиться...
Время размеренно-неторопливо –
Да и куда ему торопиться?..

ПОКРОВА

Пришла в октябрьский приход
Жизнь помолиться –
Холодный синий небосвод
Румянил лица,
У входа ржавый листопад
Костром дымился,
И первый лёгкий снегопад
Вдали кружился...

Кленово тлел иконостас
Резною вязью,
Молитва тихая вилаась
Духовной связью...
Оклад берёзовых икон
Сочился светом,
И колокольно-гулкий звон
Рождался где-то...

Прощалась осень – жизнь ждала.
Горели свечи...
Сияли стыло купола
В просторе вечном...
Молилась жизнь. Её слова
О всепрощенье...
И пали с неба Покрова
Нам... в утешенье...

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Есть такая болезнь –
 город Санкт-Петербург.
Листопадную взвесь
 вшил мне в душу хирург.
И под сердце укол –
 Петропавловский шпиль.
От тоски валидол –
 Монферрановский стиль.
От закупорки вен
 лечит Троицкий мост.
Но не лечится плен
 белой ночи без звёзд.
Как не лечат мне раны
 далёкой любви
Лесопарков поляны
 и Спас-на-Крови.
Я бинтую годами
 щемящую грусть,
От фасадов с гербами
 разлукой лечусь.
Но нарушив режим –
 пью глотками пургу.
Петербургом своим
 не болеть – не могу.

Не ишу панацеи
 от хвори такой.
В Царскосельском лицее
 больничный покой.
Летний сад в лихорадке
 холодных дождей.
В дневниковой тетрадке:
 «Прошу, не болей...»

КУКУШКА

В безымянных лесах не остынут рябины,
Снегири красный цвет не склюют поутру,
Не поднимут сугробы взопревшие спины
И не сменят деревья седую кору...

Там солдатские лица меж трав, между кочек
Омывает весною святая вода –
Там кукует кукушка с утра и до ночи,
К их не прожитым жизням плюсуя года...

Души павших бойцов на рябиновых склонах
Прорастают травой сквозь железо войны...
Над зелёной травой ветви гнутся в поклонах,
И в июльский рассвет голосят соловьи...

ЯНВАРЬ ДЫМИЛ НАД ЧЁРНОЙ ИОРДАНЬЮ...

В ночь падал снег. Горели фонари.
В бездонном небе купола сияли.
На звонницах промёрзших звонари
Колокола к игре распеленали.

Поплыл морозно-белым январём
Роскошный бас с подпевкой тенорами,
Как будто кровь хлестала из ярём
Иль ангелы звенели голосами...

Десятки вёрст вбирали благовест.
Вселенский глас по миру растекался.
Размашисто на грудь ложился крест
Всем тем, кто на молитву отзывался...

И шли на песнь из дальних деревень,
От ближних улиц шли на омовенья...
Крещенье. Начинался новый день –
День очищенья, день благословенья...

Январь звенел морозною струной.
Январь дымил над чёрной иорданью...
Вода сомкнулась вдруг над головой –
Вот ты какой, шаг первый к покаянью...

ЛИСТ ПОДОРОЖНИКА

Листья разлапистого подорожника
Лечат на роздыхе ноги острожника.
Нежной прохладой пыльная кожица
Раны рубцует, от коих не можется.

Хоть бы проспали побудку начальники –
Передохнули б подольше кандальники...
Лист подорожника силой неброскою
Раны затянет зудящей коростою...

Лист подорожника, и сквозь столетия,
Символом стойкости и долголетия,
В русской пыли при дорогах качается –
Добрая сила его не кончается...

Как не кончаются страсти острожные –
Дни на Руси и доньне тревожные...
Долго ещё врачевать подорожнику
Раны мирянину, раны острожнику...

Я ЗАБЫТОЙ СТРАНЫ ЧАСОВОЙ...

Я забытой страны часовой,
Той страны, куда нет мне возврата.
Но она за моею спиной,
Как последний рубеж для солдата.

Ведь присягу дают только раз –
А присяга для воина свята,
Она выше, чем просто приказ, –
От неё не идут на попятный...

Нет страны, и не тот уже строй;
Я забытой страной воспитан!
Я оттуда своею душой,
Навсегда её духом пропитан!

Больно мне – молодым не понять
Нас, присягу свою не забывших!
Жаль, я им не сумел рассказать
То, что Родин не может быть бывших...

ПИЛИГРИМ

«Скажи, зачем с тоскою мы глядим
На тонкий след железной магистрали?»

«Всё просто – все когда-то уезжали
От тех, кто был и дорог, и любим.
И вот теперь, вернуться мы хотим –
Да только с возвращеньем опоздали...
Ты слышал звон, сквозь голубые дали?
Под этот звон любимых отпевали
В морозный полдень не согретых зим...»

«Ты лжёшь, старик! Я же скучал по ним –
Они мне даже весточки не слали...»

«А был ли у них адрес, пилигрим?
Они тебя до погребенья ждали...
Они молитвы в небеса кричали,
Но ты был глух и разумом своим
Ты не постиг и капли их печали...
Они твоё молчание прощали –
Ведь ты был ими до конца любим...»

«Нет, нет, старик – я ими был гоним!
Они меня совсем не понимали...»

«Глупец, глупец, тебе добра желали...
И я когда-то тоже был таким...
Мы мир с тобой на ощупь познавали,
Мы слепы были, мы не понимали,
Что в этом мире можно быть любим –
Но и любим ты можешь быть любим...
Те, кто любил, нас настоящих знали...»

«Зачем, старик, мне знать твои печали?!»
«Да просто я – есть ты, мой пилигрим...»

ПОКЛОНЫ

А сегодня дожди лужам вспенили спины.
А сегодня ветра шапки сняли с осин...
И согнулись в дугу молодые осины,
И забились в поклонах из согнутых спин.

Как легко молодым прогнуться в поклоне.
Они смогут потом разогнуться и встать...
А вот я не смогу – позвоночник мой стонет,
И его не согнуть – можно только сломать...

НЕ СУДИ...

Мир ли вдруг стал невменяемым?
Я ли стал слишком мнительным?
Страшно быть обвиняемым,
Ещё страшней – обвинителем...
Пальцем-перстом указующим
Тыкать в глаза обидчика!
Но может ли быть врачующим
Острый бердыш опричника?..

Трудно остаться вменяемым
Под взглядом чужим, не прощающим.
Мне страшно быть обвиняемым,
Ещё страшней – обвиняющим...